

На правах рукописи

АХМЕРОВА Лилия Ренадовна

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ
С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени кандидата
филологических наук**

Казань - 2004

Работа выполнена на кафедре современного русского языка Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина.

Научный руководитель: доктор филологических наук
профессор Балалыкина Эмилия Агафоновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор Лопушанская Софья Петровна

кандидат филологических наук
доцент Бочина Татьяна Геннадьевна

Ведущая организация: Вятский государственный
гуманитарный университет

Защита состоится «____» _____ 2004 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению учёной степени кандидата филологических наук при Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан «____» _____ 2004 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Т. Ю. Виноградова

Предлагаемое диссертационное исследование посвящено изучению функциональных особенностей слов с общим значением времени в современном русском языке.

Как известно, *время* принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания, оно издавна являлось объектом научного рассмотрения, осмысляясь и как одна из форм существования материи, неразрывно связанная с *пространством* и *движением* (в философии) [Анисов; Никитин; Уитроу], и как способ отношения человека к миру (в культурологии). В сознании и поведении человека абстрактное *время* приобретает «конкретное психологическое содержание как элемент культуры» [Головаха, с.54], это важнейшая мировоззренческая координата, с помощью которой люди воспринимают действительность и строят образ мира. [Гуревич; Топорова; Яковлева].

Особого внимания заслуживает лингвистическая интерпретация этой сложной категории действительности, однако актуальным для изучения её языкового воплощения является привлечение данных и других наук (в частности, психологии и философии, что и предпринимается в данной работе), поскольку одним из принципов современного языкознания является экспансионизм [см. Попова 2002].

Изучение функциональных особенностей темпоральных лексем как одного из способов отражения *времени* в языке **актуально** по целому ряду причин.

Именно через семантическую сторону языковых фактов раскрывается связь языка с мышлением и человеческим сознанием, а, как известно, парадигма современного языкознания в качестве основного элемента включает антропоцентрический подход к языку, интерес к его содержательной стороне [Попова 2002].

Темпоральная семантика представлена в русском языке чрезвычайно широко как сложное взаимодействие грамматических и лексических средств, причём последние изучены крайне мало, хотя и представляют особый интерес

для исследователя. Временные лексемы чрезвычайно многочисленны и присутствуют в языке как сложная система с многообразными связями.

Так как «лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира» [Топорова, с.3], именно темпоральные лексемы в процессе своего функционирования наиболее полно отражают особенности восприятия *времени* индивидуальным человеческим сознанием и идентифицируют качественно-различные виды «проживаемого» *времени* (изучение *времени жизни* также элемент антропоцентрической ориентации языкознания), поскольку «нет абсолютно единого для всех родов бытия *времени*, оно всегда относительно и специфично» [Никитин, с. 88].

Изучение временной лексики актуально и потому, что она чрезвычайно древняя и, являясь частью основного словарного фонда русского языка (слова *день, век, год, лето* и др. [ЭССЯ]), называет особенно важные для жизни человека реалии. История темпоральных слов в языке отражает специфику становления человеческого сознания в области овладения абстрактными понятиями и во многом определяет современные функциональные особенности именующих их лексем: ведь именно исторический подход к изучению языковых фактов позволяет изучить предпосылки современного состояния языка и выделить закономерности этого развития [см. Бодуэн де Куртенэ; Супрун; Якобссон].

Таким образом, **актуальным** представляется комплексное изучение лексических средств выражения темпоральной семантики в русском языке с учётом полевого, диахронического и функционального аспектов, а также антропоцентрического подхода к описанию языковых фактов и данных других дисциплин при выявлении связи языка и мышления в области временного восприятия.

Время в языке – интереснейший объект изучения, поэтому неудивительно, что многие аспекты, связанные с лексическими средствами выражения темпоральности, уже привлекали внимание лингвистов.

Так, временные лексемы довольно подробно изучались с точки зрения полевого принципа системной организации языковых явлений в работах А. В. Бондарко, М. В. Всеволодовой, Д. Г. Ищук, А. П. Клименко, В. В. Морковкина, Н. А. Потаенко, А. Г. Щепина и др. Однако в подобных исследованиях представлено прежде всего описание поля *времени*, его структурных единиц, различных связей между элементами данного поля и других лексических объединений, а не обуславливающая подобные связи, объём и структуру поля специфика развития темпорального значения в процессе функционирования временных лексем. Именно поэтому в главе 1 диссертации подробно освещаются различные подходы к структурированию поля *времени* и демонстрируется необходимость изучения семантических полей именно с учётом функционального подхода.

Исторический подход к изучению интересующих нас слов представлен в работах этимологического характера. В исследованиях Л. В. Вялкиной, Вяч. В. Иванова, Т. А. Лисицыной, А. С. Львова, А. Г. Преображенского, А. Е. Супруна, М. Фасмера, П. Я. Черных, Н. М. Шанского, Г. Якобссона и др. прослеживается происхождение отдельных временных лексем, однако этимология каждой из них рассматривается изолированно, не выделяются общие предпосылки формирования подобной лексики, которые были бы чрезвычайно полезны при объяснении некоторых общих тенденций семантического развития временных лексем в русском языке.

В работах М. Ф. Мурьянова, Ю. С. Степанова, Ю. Стопочевой-Мойер, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Б. А. Успенского, Е. С. Яковлевой и др. представлена функциональная специфика темпоральных слов: на уровне отдельных лексем временные представления интерпретируются как компоненты русского менталитета. Однако в указанных исследованиях функциональные особенности временных лексем не являлись самостоятельным объектом изучения, не рассматривались основные направления их семантического развития.

Новизна данного **исследования** заключается в изучении функциональных особенностей временных лексем, определении специфики их семантического развития в современном русском языке при учёте полевого, диахронического и лингвокультурологического подходов. Комплексный анализ темпоральных слов предполагает использование этимологических данных, на основе которых приводится классификация временных лексем в соответствии с их внутренней формой. Семантическое развитие темпоральных слов рассматривается с позиций казанских учёных, то есть результаты подобного развития трактуются как новые слова. В работе описываются различные типы регулярных семантических преобразований на базе временных лексем, учитывается лексический фон слов. В отличие от некоторых имеющихся работ по данной теме, в диссертации главенствующим является функциональный подход, который предполагает анализ различных контекстов употребления временных лексем. Подобный анализ позволяет изучать *время* через призму человеческого восприятия, которое легко трансформирует абстрактную семантику временного значения, а, как известно, «наиболее ярко сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстовых исследованиях» [Попова 2002, с.72].

Объектом исследования диссертации являются временные лексемы в аспекте их функционирования в русском языке на протяжении длительного периода времени (от эпохи А. С. Пушкина до наших дней). Изучаемые слова представлены в настоящей работе ограниченным количеством имён (и их производных), противопоставленных по признаку качественной мотивированности / немотивированности (наименования *частей суток, дней недели, месяцев, времён года*, некоторых маркированных периодов / лексемы *миг, мгновение, момент, минута, секунда, час, день, неделя, месяц, год, век, пора, время*).

Текстовые иллюстрации были получены методом сплошной выборки из разновременных и разножанровых текстов: произведений Е. А. Боратынского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. В. Розанова, О. Мандельштама, И. Ильфа и Е.

Петрова, Г. Владимова, Саши Соколова, Т. Толстой и др. По мере необходимости привлекались результаты опроса носителей русского языка по интересующей нас теме. Источниками фактического материала также явились «Словарь древнерусского языка» под редакцией И. И. Срезневского, «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», «Словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова, «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР, «Толковый словарь русского языка конца XX века», «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачёва, «Лексическая основа русского языка» и др. специальные словари.

Цель исследования – изучение основных тенденций развития временных лексем в современном русском языке с учетом их функциональных особенностей, что предполагает постановку и решение следующих **задач**:

1. описать различные интерпретации полевого метода исследования временной лексики в русском языке с точки зрения представления в имеющихся исследованиях развития темпоральной семантики;
2. исследовать этимологические корни временных лексем и выявить общие закономерности формирования временных слов в русском языке;
3. выявить основные предпосылки последующего семантического развития временных лексем, связанные с их этимологией;
4. определить особенности русского языкового восприятия *времени* на основе анализа функциональных особенностей наименований длинных и коротких промежутков времени;
5. рассмотреть эволюцию отдельных фрагментов русской языковой картины времени на примере лексико-тематической группы наименований *частей суток*;
6. показать основные типы семантической деривации на базе временных лексем, свидетельствующие об их словообразовательной активности;

7. представить особенности семантического развития временной лексики на общем фоне её разновременного функционирования.

Специфика практического материала и его анализа обусловили использование следующих **методов исследования**: описательного, сопоставительного, диахронического методов, а также методов компонентного и этимологического анализа и социологического опроса.

Круг поставленных задач и полученные в ходе работы результаты определяют её **теоретическую и практическую значимость**: в теоретическом плане в работе предложен алгоритм комплексного (этимологического, функционального) анализа группы абстрактных лексем с привлечением данных разножанрового и разновременного языкового материала. Данное исследование имеет и **практическую значимость**: его результаты могут использоваться в качестве материалов для спецкурсов по лексической семантике и страноведению, в практике преподавания русского языка иностранным учащимся и в лексикографической практике.

Структура диссертации обусловлена задачами исследования и включает введение, 4 главы, заключение, библиографию, список сокращений и приложение.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были изложены в докладах на международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения Е. А. Боратынского, «Слово и мысль Е. А. Боратынского» (Казань, 21-24 марта 2000 г.), на международной научной конференции «Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика» (Казань, 11-13 декабря 2001 г.), на республиканском конкурсе научных работ им. Н. И. Лобачевского (Казань, 1-2 марта 2002 г.), на Всероссийской научно-практической конференции «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань, 29-31 октября 2002 г.), на межвузовской научной конференции «Литература: миф и реальность» (Казань, 5-7 мая 2003 г.), на научной конференции «II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность» (Казань, 11-13

декабря 2003 г.), на итоговых научных конференциях Казанского университета в 2001-2004 гг., а также изложены в публикациях.

Содержание работы

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность и указывается степень изученности темы исследования, ставятся цели и задачи работы, определяются объект и методы исследования, отмечается научная новизна и практическая значимость диссертации.

В **ГЛАВЕ 1** «К проблеме описания слов с временной семантикой в русском языке» рассматриваются различные способы полевого описания системы лексических средств выражения темпоральности (с точки зрения полноты и адекватности объекту исследования), поскольку временная семантика на лексическом уровне представлена чрезвычайно широко и рассмотрение временной лексики как системы – необходимый этап при описании функциональных особенностей избранных для анализа слов. Кроме того, полевой подход неизбежно затрагивает проблему природы самого временного значения и его семантического развития.

В лингвистической литературе описание поля времени всегда производится с учётом философско-психологической специфики категории *времени*, однако структурирование данного поля, критерии отбора его элементов и, вследствие этого, его объём могут быть различными (в зависимости от исследовательских задач).

Описание изучаемого объединения слов может проводиться с **логико-семантической** [Леонтьева; Морковкин], **функциональной** [Бондарко; Всеволодова; Потаенко], **психолингвистической** [Клименко] или **экстралингвистической** [Габдуллина] позиции.

Положительной характеристикой всех рассмотренных подходов является отражение системных (гипонимо-гиперонимических, синонимических, антонимических и др.) отношений между элементами поля лексических

обозначений времени в русском языке, а также связей данного поля с другими классами слов на основе общефилософской, культурологической или ассоциативной близости (например, с обозначениями пространственных отношений, наименованиями процессов или характеристик лица и др.), при этом полисемия рассматривается как главный фактор, обеспечивающий системность лексики в целом.

Однако в указанных исследованиях поля времени почти не находит отражения динамика семантического развития темпоральных лексем, не рассматриваются направления этого развития, хотя и фиксируются его результаты без соответствующей интерпретации (например, *будни*¹ – 'не праздничный день' и *будни*² – 'обыденщина, безрадостная, беспросветная жизнь' [Ожегов] относятся к разным полям). Расплывчатым представляется и само понятие временного значения: оно может быть ядерным (*час* – 'период времени...') или включённым компонентом (например, в слове *премьера* включенный компонент – 'первый во времени').

Развитие темпоральной семантики в представленных работах носит, в основном, лексикографический, фиксирующий, описательный характер, практически не учитывается функциональная специфика временных лексем, а также особенности их этимологии.

Таким образом, наиболее полно как отдельные темпоральные лексемы, так и поле временных слов могут быть представлены лишь в исследовании, обобщающем все достижения и избегающем недостатков логико-семантического, функционального, психолингвистического и экстралингвистического подходов, то есть учитывающем также диахронический подход и специфику функционирования временных лексем в тексте, где они подвергаются разнообразным семантическим изменениям.

ГЛАВА 2 «Этимологические корни временной лексики» посвящена происхождению исследуемых временных лексем. Их этимология представляется весьма любопытной и заключающей предпосылки их

дальнейшего семантического развития, поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, истинно научный подход предполагает рассмотрение «какого-либо известного момента в истории языка в связи с полным развитием языка» [Бодуэн I, с. 67], что позволяет выявить общие закономерности семантических изменения в языке.

Исходным пунктом для изучения этимологии интересующих нас темпоральных слов является интерпретация самой идеи *времени* человеческим сознанием, которая происходила посредством других, более конкретных, физически постижимых идей (это могли быть пространственные, процессуальные, количественные, погодные и др. представления) [Степанов 1997; Успенский].

Немаловажным аргументом в пользу этой гипотезы являются данные этимологии, на основе изучения которых можно предполагать, что на ранних этапах развития в языке не существовало слов, которые выражали бы чистую идею *времени*, поэтому очень часто представление о *времени* оформлялось лексемами общего содержания. Только с течением времени эти слова в результате метафорического или метонимического переноса смогли выражать абстрактное временное значение [Мельничук; Мицык; Мурьянов; Падучева; Супрун].

Следовательно, временная лексика в современном русском языке является результатом семантической трансформации на базе слов с невременной семантикой, причём на основании изучения этимологии многих временных лексем можно выделить несколько деривационных моделей:

- **«астрономическая реальия»→»время»** (так, первоначально во многих индоевропейских языках *весна* – ‘время, когда светит солнце’, *вечер* – ‘период суток, когда заходит солнце’ и т. д.);
- **«погодные условия, характерные для определенного времени (года)»→»время»** (например, *зима* - ‘холодное, снежное время года’, *лето* - ‘период дождей’) и др.);

- **«сельскохозяйственные работы, проводимые в определённое время» – «время»** (*осень* – ‘время урожая’, *утро* – ‘время запрягания скота’, ‘начало работы’ и др.);
- **«процесс или результат действия» – «время»** (например, *час* первоначально – ‘(ограниченный) отрезок времени, отмечавшийся зарубкой или ударом-сигналом’ и др.).
- **«хронологический порядок, число» → «время»** (так, *четверг* – ‘четвёртый день недели’ и др.)

В общеславянскую эпоху для временных лексем была характерна так называемая “расплывчатость” семантики [Черных], своеобразная синкретичность, которая, вероятно, объяснялась первоначальным “невременным” значением этих лексем, ассоциированием с невременными реалиями и которая до сих пор проявляется во внутренней форме некоторых слов, обозначающих *время*: «С точки зрения семантического содержания древнеславянское слово представляет собой синкрету, каждое потенциально возможное значение которой раскрывается только в тексте» [Колесов 1985, с. 83].

Некоторые лексемы с семантикой времени получили темпоральное значение сравнительно поздно. Так, например, уточнение значения терминов *год* и *час* и закрепление их за определенными отрезками времени относится к начальному периоду формирования национального русского языка (приблизительно XVI в.) [Черных].

Таки образом, анализ этимологических корней временных лексем выявляет определённые закономерности развития временной лексики: объясняет их семантическую синкретичность и «предсказывает» деривационную активность в последующие периоды развития языка.

В ГЛАВЕ 3 «Особенности восприятия времени в русском языковом сознании» описываются языковые интерпретации временных реалий как атрибутов русской языковой картины мира, представленных на уровне конкретных лексем в процессе их функционирования.

Как известно, представления человека о мире определяются существующей вокруг него реальностью и формируют в языковом сознании модель мира – «концептуальную репрезентацию действительности в многообразии её внешних и внутренних связей, включающую <...> такие общие понятия, как *время, пространство, причина, следствие, число, отношение, часть, целое* и др.» [Шафигов1998, с. 10].

Человек не рождается с чувством *времени*, его временные понятия определены той культурой, к которой он принадлежит [Гуревич; Степанов 1997; Уорф].

Об особенностях восприятия в том или ином менталитете такой сложной и актуальной категории, как *время*, могут многое сказать именно результаты её языкового воплощения: специфика лексической и грамматической системы в плане выражения темпорального значения, направления семантического развития временных слов, их функциональные особенности.

Абстрактная категория *времени* в сознании человека всегда стремилась быть «окачествлённой», оцениваемой, сопряженной с событиями жизни: мы воспринимаем *время* как злую или добрую силу, оно может *разрушать, угрожать, течь, мчаться* и т. д.:

*Впрочем, мясорубка **времени** охотно сокрушает крупные, громоздкие, плотные предметы <...>, а всякая хрупкая мелочь <...> проходит сквозь неё нетронутой* (Толстая).

Воспринимаемые сквозь призму человеческого сознания, реальные характеристики времени могут искажаться, отражая отношение к ним воспринимающего субъекта:

*Что длительней – **столетье** или **миг**,*

Который Микеланджело постиг?

***Столетье** сдохло, а **мгновенье** длится?* (Вознесенский).

Одной из интереснейших особенностей русского временного восприятия является «взаимопроникновение» *времени* и *пространства*, которое проявляется на уровне отдельных языковых единиц. Так, *путь* – величина

пространственная, однако конструкция *в пути* может пониматься и как указание на время.

Само *время* часто мыслится как аналогичное *пространству*:

*Может быть, если поискать волшебное слово <...>, если догадаться или где-то поискать <...>, должна же быть дверь, щелочка, незамеченный кривой **проход туда, в тот день*** (Толстая).

Сознание современного человека универсально и потому содержит характеристики самых разных временных измерений, актуализировавшихся на различных этапах развития темпоральных представлений. Эти измерения легко вычлениваются при рассмотрении функциональных особенностей, например, наименований коротких и длинных промежутков времени. Они представляют особый интерес для исследователя, поскольку наличие в русском речевом обиходе близких по смыслу темпоральных слов (*миг* и *момент*, *минута* и *секунда*, *пора* и *время*, *дни*, *годы* и *времена*), видимо, отражает качественно различные представления человека о *времени* [Никитин; Яковлева].

В языковом сознании «наивного» носителя русского языка можно выделить **рациональное** (*момент*), **повседневное** (*минута*, *секунда*) и **надбытовое** (*миг*, *мгновение*) / **циклическое** (*пора*) и **линейное** (*время*) / **индивидуальное** (*дни*) и **социальное** (*времена*) измерения.

Так, например, **надбытовое** измерение подразумевает исключительность описываемых событий, они уникальны, сопровождаются повышенной эмоциональностью:

Достигли ли почестей постных,

Рука ли гашетку нажала –

*В любое **мгновенье** не поздно,*

Начните сначала! (Вознесенский, Сначала).

Показатель циклического измерения *пора* соотносится с естественным развитием событий, безоценочна и потому невозможна в следующем контексте:

*Теперь же **время** удобное: народу вымерло немало* (Гоголь).

Любопытно, что наименования совокупности временных единиц (*дни, годы, времена*) обнаруживают качественное, а не количественное противопоставление формам единственного числа [см. также Плунгян]: например, *дни* – не столько совокупность промежутков, сколько качественно специфический период времени, противопоставленный *поре* или *временам*:

*Как я люблю <...> этого мудрейшего священника **наших дней*** (Розанов.).

Употребление сочетания *нашего времени* подразумевало бы в данном случае некий государственный или социальный масштаб, в тексте же речь идёт о личном, об индивидуальной душе.

Эволюция способа восприятия *времени* во многом определяет специфику языковой картины мира. Особенности русского темпорального восприятия могут проявляться и на уровне отдельного фрагмента русской языковой картины времени – модели *суточного цикла*.

Построение такого фрагмента довольно непросто, поскольку представление современного человека о *времени* содержит разные пласты, в том числе и достаточно архаические, причём все эти измерения взаимосвязаны, не всегда поддаются строгому разграничению, сосуществуют в сознании и актуализируются в зависимости от внеязыковой ситуации. Изменения в сознании носителей языка, вызванные экстралингвистическими факторами, приводят к изменению в восприятии некоторых временных лексем, а это, в свою очередь, вызывает их семантическую трансформацию и актуализирует иное временное измерение.

В восприятии модели *суточного цикла* русским языковым сознанием существуют **астрономическое, бытовое и часовое** измерения, в каждом из которых деление суток на периоды происходит по-разному и мотивируется различными экстралингвистическими факторами. Так, *ночь* – это и 'тёмная часть суток', и 'время сна', и чётко фиксированный 'период времени с 22-23 до 5-6 часов утра', *ночь* в разных временных измерениях соотносится с разными реальными временными периодами. Наиболее архаическое из этих измерений – **астрономическое**, позже сутки стали структурироваться в соответствии с

характером деятельности человека, что и вызвало семантическую трансформацию временных лексем.

Таким образом, характерной чертой русской языковой картины *времени* является относительная разработанность качественной спецификации *времени*: на уровне лексики дифференцируются объективно сходные, но качественно различные темпоральные реалии, что в некоторых случаях приводит к семантическим преобразованиям временных лексем. Направление подобных преобразований также определяет специфику русского темпорального восприятия.

В ГЛАВЕ 4 «Функциональная специфика темпоральных слов» рассматриваются основные тенденции развития временного значения.

Наименования темпоральных реалий не имеют жанровых или стилевых ограничений и активно используются в любом контексте, поэтому неудивительно, что в процессе своего функционирования они подвергаются различным семантическим изменениям.

Это объясняется как сложностью самой природы категории времени, так и некоторыми особенностями этимологии временных лексем: "непервичностью" временного значения и его синкретичностью.

Деривационная активность временной лексики в современном русском языке подтверждается как данными словарей, так и наблюдением за ее функционированием в языке художественных произведений.

Семантические преобразования на базе темпоральных лексем происходят в двух основных направлениях.

В первом случае результатом семантической деривации являются слова с **временным значением** - лексемы, именующие объективно другие временные реалии.

Однако в этом случае очень сложно выделить производящую базу, поскольку характерной чертой русской темпоральной системы является существование таких семантических комплексов, как **«время» —«временной**

промежуток» – «временная точка», «фиксированный промежуток времени» – «нефиксированный промежуток времени», реализующихся на уровне отдельных слов - качественно-немотивированных наименований времени в русском языке. Ключевыми темпоральными значениями, присущими системе временных слов в русском языке, являются и такие: **'удобная пора, подходящий момент', 'время, предназначенное для чего-нибудь'** и др.

Как известно, человеческое сознание стремится интерпретировать временные понятия, лишая их абстрактности, сближая с конкретными жизненными процессами. Результатом подобных процессов являются слова с **невременным значением**, именующие объективно невременные реалии; причём можно выделить и направления подобных семантических переносов. Такие семантические трансформации происходят на базе качественно-мотивированных временных лексем по следующим моделям:

"период времени" → "погодные или природные явления, характерные для этого времени":

*Здесь в Харькове, совсем **лето*** ('тепло, жаркая погода') (Ильф и Петров);

"период времени" → "возрастное состояние человека или период развития или состояния чего-либо ":

*26-го августа 1910 года я сразу состарился. Двадцать лет стоял «**в полдне**» ('был в расцвете сил'). И сразу **девять часов вечера*** ('старость') (Розанов);

"период времени" → "душевное состояние человека":

*Но нет уже **весны** в душе моей,*

Но нет уже в душе моей надежды (Боратынский, На посев леса) - *здесь **весна*** - 'душевный подъем';

«период времени – совокупность определённых качеств»:

*За окнами пахнет **средневековьем**.*

Поэтому я делаю витражи (Вознесенский, Хобби света) – *здесь **средневековье*** - 'особый культурно-мировоззренческий настрой';

"период времени" → "событие или явление, происходящее (произошедшее) в этот период":

август в значении 'путч, имевший место в августе 1991 года'

и др.

Подобные переносы могут происходить и на базе морфологических дериватов темпоральных лексем по модели **"происходящий в определенный промежуток времени или имеющий отношение к нему" → "обладающий определенным качеством":**

Взвод красноармейцев в зимних ('теплых, особого фасона') *шлемах перешел лужу* (Ильф и Петров).

Общий объём временной лексики расширяется по модели **"событие или явление" → "период времени, когда происходит (произошло) событие или явление"** за счет слов, в определенном контексте приобретающих способность указывать на время. Это может происходить и под влиянием экстралингвистических факторов, в результате чего в различные периоды времени актуализируются соотнесённость с разными реалиями (в последнее время актуальными стали астрологические атрибуты: например, *Дева* в значении 'сентябрь').

Любопытно, что временные реалии могут именоваться и посредством индивидуально-авторских морфологических образований (*зимарь* – 'зимний месяц', *мнимозима*, *полувечер* и др.).

Семантическая деривация на базе временных лексем является одним из важнейших стилистических средств, создающих самобытность языка художественного произведения в разновременных и разножанровых текстах. В результате подобных семантических переносов на базе различных ассоциаций временные лексемы включаются в интересные образные параллели.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ излагаются основные результаты проведённого исследования.

Лексическое объединение слов с временной семантикой в русском языке может интерпретироваться по-разному, однако оптимальным для описания слов со значением *времени* является универсальный способ, учитывающий все достижения и недостатки **логико-семантического, функционального, психолингвистического и экстралингвистического** подходов.

Темпоральная лексика по своему происхождению является результатом семантической деривации на базе слов с невременным значением. На ранних этапах развития в языке не существовало имен для выражения абстрактных понятий: это было связано с особенностями мышления человека. Сначала представление о *времени*, как правило, оформлялось лексемами общего, конкретного содержания (это могли быть, например, наименования состояний погоды, сельскохозяйственных работ, отглагольные имена и т.д.).

Для временных лексем до сих пор характерна своеобразная “расплывчатость” значений, обусловленная как особенностями их этимологии, так и сложностью самого понятия *времени*. Это, вероятно, в некоторой степени объясняет деривационную активность темпоральных слов в последующие этапы развития языка.

Особенности восприятия *времени*, реализующиеся на уровне функционирования отдельных временных лексем, определяют и специфику картины мира носителей того или иного языка.

В русском языковом сознании можно выделить несколько временных измерений: **циклическое** и **линейное**, **бытовое** и **надбытовое**, **социальное** и **личное** - реализующихся на уровне отдельных лексем в процессе их функционирования.

Можно говорить и об эволюции временного восприятия. Так, *суточный цикл* – явление астрономическое, поэтому именно астрономические реалии послужили базой для последующего временного значения и обусловили структурирование времени в пределах суток. Эволюция человеческого сознания и различные экстралингвистические факторы привели к тому, что деление суток на периоды может мотивироваться деятельностью человека в

течение дня, быть индивидуальным или даже общественно регламентированным и при этом не совпадать в разных языках.

Временная лексика в русском языке словообразовательно активна. Семантические изменения на базе данной группы слов происходят в двух основных направлениях. В первом случае могут актуализироваться различные оттенки временного значения (сосуществование в языке омонимов *час*, *время* со значениями 'период времени', 'временная точка' и 'время', омонимов *минута*, *секунда* в значениях 'единица времени' и 'очень короткий промежуток времени').

Во втором случае на первый план выступает не временное значение лексемы, а её ассоциации с невременными реалиями, иногда это приводит к своеобразному переосмыслению темпоральной семантики и образованию слов с невременным значением (например, *зимний* в значении 'тёплый' (об одежде), *август* в значении 'августовский путч' и др.). Подобные изменения происходят по типовым деривационным моделям под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, причем последние обуславливают и изменение общего объема временной лексики.

Таким образом, наблюдение за функциональными особенностями временной лексики позволяет выявить две базовые характеристики её семантического развития. Во-первых, это **качественная спецификация времени**, наличие качественно различных временных измерений, заполненных событиями нашей жизни. На лексическом уровне это реализуется в наличии близких по смыслу темпоральных слов, именующих объективно сходные, но качественно разные временные реалии.

Во-вторых, это **способность темпоральных слов именовать объективно разные временные и невременные реалии**, что реализуется в разнообразных семантических трансформациях на базе временных лексем и, вероятно, является одним из проявлений обратной соотнесенности, возрождением деривационных отношений, которые некогда привели к возникновению собственно временной лексики.

Подобные явления свидетельствуют о своеобразной **цикличности** её семантического развития: возникнув в результате переосмысления на базе лексем общего содержания, темпоральная лексика, выражающая сложные категории человеческого сознания, на протяжении своего существования в языке осваивалась и интерпретировалась человеком, и на современном этапе она снова стремится к “качественной” наполненности, “слиянию” с менее абстрактными реалиями и вследствие этого подвергается семантическим изменениям.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Ахмерова Л. Р. Семантическая трансформация слов с общим значением времени в поэзии Е. А. Боратынского / Л. Р. Ахмерова // Слово и мысль Е. А. Боратынского: Тезисы международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения Е. А. Боратынского (Казань, 21-24 марта 2000 г.). – Казань, 2000. - С. 98-100.

Ахмерова Л. Р. Лексическое объединение слов с временной семантикой в русском языке / Л. Р. Ахмерова // Закономерности развития и функционирования национальных языков и литератур. – Казань: ДАС, 2001. – С. 12-14.

Ахмерова Л. Р. Некоторые закономерности семантического развития слова в свете трудов Бодуэна де Куртенэ / Л. Р. Ахмерова // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 декабря 2001 года): Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т.2. - С. 4-5

Ахмерова Л. Р. Некоторые способы передачи временных значений в русском языке новейшего периода / Л. Р. Ахмерова // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых: Сборник статей молодых учёных. – Казань: ДАС, 2002. – С. 113-119.

Ахмерова Л. Р. К вопросу об этимологии абстрактной лексики в русском языке / Л. Р. Ахмерова // Русская и сопоставительная филология:

Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: Материалы итоговой научной конференции. – Казань: Унипресс, 2002. - С. 8-9.

Ахмерова Л. Р. Некоторые особенности восприятия времени в русском и английском языках / Л. Р. Ахмерова // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 29-31 октября 2002 г.). – Казань: РИЦ «ШКОЛА», 2002. - С. 17-18.

Ахмерова Л. Р. Некоторые замечания о функционировании временных лексем в русском языке XIX века / Л. Р. Ахмерова // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых / Казан. гос. ун-т; филол. фак-т. – Казань, 2003. - С. 4-8.

Ахмерова Л. Р. О временных значениях падежных форм / Л. Р. Ахмерова // Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект / Казан. гос. ун-т; филол. фак-т. – Казань, 2003. - С. 11-14.

Ахмерова Л. Р. О некоторых особенностях восприятия времени / Л. Р. Ахмерова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2003. – Т. 1. – С. 16-18.

Ахмерова Л. Р. К вопросу о становлении идеи времени в сознании и языке // Ахмерова Л. Р. // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы II международной научной конференции (Челябинск, 5-6 декабря 2003 г.). – Челябинск, 2003. – с. 93-95.

Ахмерова Л. Р. Модель суточного цикла в русском и английском языках / Л. Р. Ахмерова // Литература: миф и реальность: Материалы межвузовской научной конференции (Казань, 5-7 мая 2003 г.) – Казань: Изд-во КГУ, 2004. - С. 248-250.

Ахмерова Л. Р. К вопросу о русской языковой картине времени (в печати).